

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ

г. Москва

26 ИЮН 1979

Тайнство воплощения

Светлана Немоляева — о своих героинях

Почти каждый вечер дверь в гримерную актрисы Театра имени Маяковского, заслуженной артистки РСФСР Светлана Немоляевой открыта. Она играет очень много. И если представить себе, что все ее героини зажили бы вдруг своей, отдельной от актрисы жизнью, они наверняка не уместились бы в этой маленькой комнате. Сегодня театр беседует со зрителями о Сократе. Светлана Владимировна стоит среди зеркал и слепящих ламп, прилаживая на себе костюм Гетеры Гарпии, жены Сократа, — то ли плащ, то ли накидку, похожую на рыбацкую сеть...

— Извините, придется вам немного подождать. У меня две небольшие сценки...

И не вышла — выпорхнула из комнаты, оставив шлейф терпкого запаха духов. А меня не покидало ощущение какой-то заманчивой игры и упрямой недоуменности — словно заглянула туда, где нет места чужим глазам. Известная истина: профессия актера держится на некоем таинстве — для нас, зрителей. Вглядишься в их закулисную «тайну», привыкнешь к ней — и начинает казаться, что тебя обманули. Потому что главное таинство совершается не здесь, а на сцене, — Светлана Немоляева унесла его с собой.

И вот она уже снова в гримерной, устало передвигает ноги, затянутые крест-накрест кожаными ремнями выше колен... Да, таинство искусства, волшебный миг власти стоит сил, и немалых... Потом она говорит, что с детства не представляла себя в иной профессии. Выросла в «киношной» семье: отец — режиссер, мать — звукооператор. И насколько помнит себя, как она сказала, «из темноты», только актрисой и мечтала стать.

— Не могу забыть до сих пор спектакль с Марией Ивановной Бабановой. Я не дышала — вся была глаза и уши и чувствовала только, как сердце падало и возвращалось... Замечательная женщина, великолепная актриса... Тогда ужасно хотелось все сделать на сцене вот так же, самой...

В Щепкинское училище поступила сразу и уже тогда поняла, какая это мука — театр, какие это сомнения, неудовлетворенность, как необъяснимо трудно вместе с костюмом сменить «одежду» поведения, мышления, чувств... Мне иногда кажется, что характер мужской — более определенный, у женщин — сильная чувствительная сторона... Я больше склонна думать о женщине в эпитетах мягких: нежная, слабая, милая... При всех достоинствах натуры сильной и решительной. Перевоспитание в этом случае вещь особенно тонкая, и освоить ее нелегко. Помню, как однажды педагог мой, Леонид Андреевич Волков, меня разругал — буквально разнес. Я почувствовала себя совершенно беспомощной. И, возвращаясь из училища, плакала, прыгая по снегу...

Трудно приходило, трудно рождалось это мироощущение, ми-

ропонимание женщины... Ее особый характер, ее психология мне всегда интересны, в ней есть что-то неповторимое — таинственно-неожиданное. С каждой новой ролью подчиняешься иному эмоциональному ряду, поиную фантазируешь, думаешь, живешь. Потому что сила женщины — в богатстве сердца, в величии доброты.

Да-да, все мои героини — это каждый раз новая жизнь, и без них я была бы не я. В молодости играла не задумываясь, радуясь игре. В какой-то мере и моя первая работа в кино — Ольга из «Евгения Онегина» — была отражением собственного жизненного самочувствия. Фильм снимали в Ленинграде, и я счастливо «купалась» в стихах Пушкина, музыке Чайковского, архитектуре Павловска... Я жила Ольгой, Ольга — мной. С годами эмоции как бы отступают, и ты уже не можешь работать без оглядки, без осмысления. Пока «обживешь» новый спектакль, свою роль в нем, пока не убедишься, что ты залу не чужая, мучаешься так, что и еда не в еду, и дом не в дом...

— А когда роль, как вы говорите, обжита...

— Каждый раз, вот уже несколько лет, когда я выхожу на сцену в спектакле «Трамвай «Желание» в роли Бланш, знаю, что добавлю себе еще одну маленькую муку — попробую что-нибудь изменить: в интонации, движении, внешности... Для меня очень много значат костюм, предметы, украшения. Есть актеры, которые привыкают на сцене к старым вещам, словно чувствуют себя с ними в безопасности. Я же люблю все время их менять — они мне как бы «подыгрывают», задают новые и новые задачи...

— Вы так ослепительны в своем сегодняшнем костюме, так щедро украшены...

Светлана Владимировна встряхивает локоны, поворачиваясь к зеркалу, снимает с ушей большие сверкающие клипсы и тут же надевает другие.

— Мне кажется, Гетере положено «блестеть». В ней нужно противопоставить то, с чем Сократ борется, с чем не может смириться, — предательство, цинизм. Поэтому не боюсь сделать ее такой броской.

— Ваши героини, в какое бы время ни жили в спектакле, живут еще и сегодня, потому что они — это вы. И через них, таких разных, вы обращаетесь в зал. О чем вам, современной женщине, больше всего хочется говорить?

— Конечно, сегодня у женщин стало больше прав в обществе, неизмеримо больше возможностей быть полезной, нужной людям, быть интересной, обаятельной. Это приятно, слов нет. Но и трудно. Как легко потерять себя, как сложно себя найти, поделить между домом и работой, между семьей и коллективом! Оказаться стойкой на буйных ветрах жизни... Мне хочется защитить женщину от всех неудач, как бы осветить ей путь более радостный, счастливый.

— Но все трудное исключить из жизни невозможно.

— Да и никому это не под силу... Но меня всегда волнует, заботит душевное состояние натур ранимых, искренних, по-женски незащищенных. Таких, например, как моя киногероиня Оленька Рыжова из фильма «Служебный роман». Так хотелось, чтобы образ этой женщины, ее щемящая душевная боль вызвали сочувствие. Таких женщин я всегда стремлюсь защищать на сцене и экране, потому что сегодня, как и во все времена, они желают видеть вокруг себя, принимать в душу трепетное сердце, а не пошлость, нежность, доброту, а не цинизм... Когда я пришла в театр при Николае Павловиче Охлопкове, мне кажется, во мне уже жила эта душевная потребность защищать в женщине ее незащищенность. С помощью Охлопкова вышла на сцену моя Офелия, вышли мои школьница Маша из «Весенних скрипок» и такая искренняя, трогательная Нинка из «Проводов белых ночей»... И теперь, работая с режиссером Андреем Александровичем Гончаровым, эта пронзительная «женская» нота, эта уверенная борьба духовного с бездуховным продолжается у меня с Бланш, с Серафимой в спектакле «Ber»...

— Светлана Владимировна, а что больше всего вы цените в мужчине?

— Скорее могу определить, чего в мужчинах, да и вообще в людях, не принимаю — себялюбие, разумный эгоизм. Наверное, любой женщине, особенно сейчас, когда она опущает себя с мужчиной «на равных», хочется видеть в нем не столько опору, сколько надежность понимания, умение не прощать ей слабостей, а понимать их. И, наверное, каждая женщина стремится к земному человеческому теплу в семье, к любви... Раньше мы жили на проспекте Вернадского, прямо напротив метро. И когда муж мой Саша возвращался домой, мы с сыном Шуркой ждали его у окна, в бинокль смотрели... Верите, он никогда не шел домой — бежал...

— Вы очень любите свой дом...

— Очень. Люблю, когда Шурка слушается, люблю готовить, люблю, когда в доме цветы... Только так мало на все это времени! Завтра опять вставать в семь утра — ждут на «Мосфильме» (как раз были в самом разгаре съемки у режиссера Э. Рязанова в фильме «Гараж»), а вечером спектакль, и послезавтра тоже, и послепослезавтра... А Саша иной раз даже отказывается от интересных ролей в кино — хочет больше дома бывать...

...Потом она снимет грим, уберет с головы «лишние» волосы, пожалеет, что не может всегда их носить в любимой прическе — такими длинными («Я себе не принадлежу»), уложит в сумку начатое вязанье — им она разрешает себе заниматься только тогда, когда выходы на сцену с большими паузами, и позвонит домой.

Т. ИСАКОВА.